

**ДХАН
МУКЕРДЖИ**

В ДЖУНГЛЯХ

Дхан Гопал Мукерджи
В джунглях
Серия «Хари и Кари», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25566917

Аннотация

«Выехав из Бенареса, я думал, что наше путешествие окончено. Однако домой мы вернулись не так-то скоро. Мы провели в джунглях лишние сутки и испытали не одно приключение...»

Дхан Мукерджи

В джунглях

Выехав из Бенареса, я думал, что наше путешествие окончено. Однако домой мы вернулись не так-то скоро. Мы провели в джунглях лишние сутки и испытали не одно приключение.

Полдороги осталось уже позади, когда мы подошли к реке. Солнце стояло в зените; было так жарко, что Кари отказался идти дальше. Едва он учуял влажный запах речного берега, как понесся вперед и вошел глубоко в воду. Мы с Копи сидели у него на спине, и волны плескались вокруг нас, как вокруг островка. Кари держал хобот над водой; когда слон шевелился, мы едва не скатывались с его спины. Обезьянка прижалась ко мне, обезьяны не умеют плавать. Видя, что со слонем не сладишь, я посадил Копи себе на голову, выплыл на берег и стал ждать, пока Кари не кончит купаться. Но Кари вздумалось поразвлечься: он подошел ближе к берегу и начал хоботом поливать обезьяну, как из насоса. Та, треща и отфыркиваясь, носилась взад и вперед по берегу. Я лежал врастяжку на сыром песке и смотрел на эту забаву, пока не заснул.

Разбудил меня резкий крик обезьяны и храп слона. Я вскочил и увидел, что Копи сидит на земле и трепещет от ужаса, а Кари стоит перед ней, размахивает в воздухе хобо-

том и трубит изо всех сил. У слона между ног, прямо под ним, извивалась большая змея. Я оцепенел от страха. Кари, правда, было уже лет пять; его кожа была так толста, что кобра не могла бы прокусить ее своими ядовитыми зубами. Но обезьянка, скованная ужасом, не смела двинуться с места.

Я тихо прополз позади слона к Копи. Я не решился дотронуться до нее: если бы я ее тронул, она бросилась бы на меня и искусала. Она была так напугана, что всякое прикосновение показалось бы ей прикосновением змеи. Она не видела и не слышала вокруг себя ничего.

Тогда я понял, что произошло. Слон наступил на змею. Он раздавил ей спину, и она не могла двигаться; но передняя часть ее тела была еще жива и стояла отвесно, как палка, выточенная из черного дерева; черный капюшон с белым значком был развернут во всю ширину. Змея извивалась, припадала к земле. Тогда Кари поднимал ногу, чтобы раздавить ее, но кобра снова вскидывала голову вверх.

Змея с перебитой спиной, да еще под ногой у слона мне была не страшна. Я решил убить ее палкой. Когда я подошел к ней с палкой, глаза Копи, впившиеся в кобру, дрогнули. Она взглянула на меня и с пронзительным визгом метнулась к ближайшему дереву.

В этот миг змея ударила головой в ногти слона – в роговые пластинки вокруг ступни. Это – чувствительное место, потому что здесь кожа очень тонкая. Кари поднял ногу. Видимо, он не был укушен, но я не знал, как долго сможет он

стоять на трех ногах. Еще боялся я, как бы Кари не приблизил хобот к кобре: змеиный укус в конец хобота всегда смертелен. Я изловчился и ударил змею палкой по голове. Она успела увернуться, но в то же мгновение нога слона опустилась и расплющила ей голову. Кари пошел прочь, роя песок ногами, чтобы очистить их от крови. Я бросился за ним посмотреть, не поранена ли нога, и у меня отлегло от сердца: на коже не было видно укусов.

Копи не хотела слезть с дерева. «Может быть, ей стыдно, что она струсила?» – подумал я и засмеялся: мне тоже было не по себе.

Солнце начало заходить. Осколки золотых лучей блеснули в алой воде, темнота упала, как черный меч, и сразу настала ночь. Стихли в верхушках деревьев птичьи голоса, и, точно для того, чтобы усилить тишину, зазвенели в траве голоса насекомых. Я влез на спину Кари и тихо сидел, слушая, как шествует по зарослям молчание. Мне было видно, как по ту сторону реки зигзагами колыхается трава.

Когда тишина стала вполне густой, над рекой прокатился голодный рев тигра. Даже ветви застыли, и казалось, явственно слышен шорох мускулов притаившегося зверя. Охотничий рог протрубил: слабый прячься, ищи защиты!

Наступила ночь. Я хотел привязать Кари к дереву, но в эту ночь он не позволил себя привязывать. Он шагал вверх и вниз по берегу без малейшего шума. Порой вдруг останавливался и переставал помахивать ушами. Я видел, как чут-

ко и настороженно прислушивается он к тишине. Скоро река налилась серебром; желтая рябь мостом перекинулась с берега на берег. Сразу стал над нами зловещий диск луны. Только в июле луна бывает так горяча и огромна.

Без предупреждений Кари вдруг погрузился в реку. Я приказывал ему остановиться, колот ему шею анком, но он был глух. Глубже и глубже входил он в воду. Я бросил его и поплыл назад. Вода покрыла слона с головой, но он одолел стремнину и исчез на другом берегу за темной завесой листьев и ползучих стеблей. Мы с Копи остались одни. Я посмотрел на темные облака, которые катились к луне со всех концов неба, и понял, что надвигается гроза.

– Скорее на дерево, Копи! – сказал я обезьянке, и мы забрались высоко под купол векового баньяна. Могучий ствол задрожал от грома, как сухая былинка; молния хлестала по лесу. Дождь окружил нас сплошной стеной. Мы с Копи вцепились в ветви, чтобы нас не смыло потоками ливня.

– Я не знаю, сколько времени длилась гроза. Наконец, сверху засверкала луна, но дождь все лил и лил. Тогда я понял, что ливень прекратился и падают капли, которыми напиталась густая листва баньяна. Ветви сделались очень скользкими, и я не решался лезть выше, к верхушке дерева. Мы сидели на месте, пока не упала последняя капля.

Луна зашла, и джунгли наполнились шумами. Слышно было, как движутся звери внизу. На вершине баньяна отряхивала свою шерстку Копи. Под деревом чьи-то копыта ше-

лестели мокрой травой. Потом снова затихли звуки, и по влажной поросли прошла зыбь, похожая на извилистые полосы тигровой шкуры.

Вдруг послышался храп, оглушительный рев и гулкое падение на землю тяжелого тела. Тигр нашел свою жертву. У тигра есть три разных крика: первый – рев голода, яростный рез, от которого понижают джунгли; второй – рокочущий храп, с ним тигр приближается к добыче, и третий – клич торжества и победы. Этот клич сковывает ужасом жертву. Тигр взвивается в воздух и падает на добычу.

Этот крик торжества я услышал перед самым рассветом. Слышно было еще ворчание – это тигр объявлял, что он отобедал; другие звери, поменьше, набросились на остатки от трапезы тигра.

Все животные, которые укрылись по берлогам и норам на время дождя, вышли теперь на свет. В это утро в джунглях не было тишины: всякий спешил до рассвета утолить свой голод. Когда просияла заря, я увидел Кари. Он стоял под деревом, в густом сумраке листвы. Я спустился вниз и понял, что Кари повоевал этой ночью. Хаудах сполз набок; он был изломан, как стебель, расплющенный между двумя камнями. Я думал, что это все, но, когда я забрался на спину Кари, я увидел у него на затылке рваную рану – след чьих-то тяжелых бивней.

– Кто победил, Кари? – спросил я друга.

Мне показалось, что он гордо потряхнул головой. Я простил

ему раздавленный хаудах, хотя знал, что мне придется заплатить за него своими боками. Этот хаудах был не наш: его дал нам старый Махатма.

Копи рада была, когда встало солнце. Она ерошила мокрую шерстку и нежилась, сидя у меня на плече. Я предложил Кари поесть, но он точно не понял моих слов. Он спешил домой, в деревню.